

УДК 811.161.1'36

UDC 811.161.1'36

ПРАГМАТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТОИМЕНИЯ «КОЕ-КТО» В СТРУКТУРЕ МЕДИАТЕКСТА

THE PRAGMATICS OF THE INDEFINITE PRONOUN «КОЕ-КТО» IN THE STRUCTURE OF MEDIA TEXT

Т. А. Пивоварчик,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры журналистики
ГрГУ имени Янки Купалы

T. Pivavarchyk,

PhD in Philology, Associate Professor of the
Journalism Department, Yanka Kupala
State University of Grodno

Поступила в редакцию 28.09.2023.

Received on 28.09.2023.

Рассматривается проблема текстовой актуализации неопределенного местоимения *кое-кто* в медиадискурсе белорусских общественно-политических изданий 2002–2022 гг. Устанавливаются обусловленные прагматическими и дискурсивными факторами семантические сдвиги в значении местоимения *кое-кто* в медиатексте. Делается вывод о том, что местоимение *кое-кто* в субъектной структуре медиатекста занимает нишу обозначения альтернативного, фонового и при этом «слабого» субъекта, на основе противопоставления которому усиливаются позиции «главных субъектов», находящихся в фокусе эмпатии автора, с тем чтобы именно к мнению последних захотела присоединиться читательская аудитория.

Ключевые слова: прагматика; медиатекст; субъектная перспектива текста; местоимение; неопределенное местоимение; неопределенная референция.

The article deals with the problem of textual actualization of the indefinite pronoun «koe-cto» in the media discourse of Belarusian socio-political publications in 2002-2022. Semantic shifts in the meaning of the pronoun someone in the media text are established due to pragmatic and discursive factors. It is concluded that the pronoun someone in the subject structure of the media text occupies a niche for designating an alternative, background and at the same time «weak» subject, on the basis of opposition to which the positions of the «main subjects» that are in the focus of the author's empathy are strengthened. The goal of the author is for the readership to want to join the opinion of the subjects of empathy.

Keywords: pragmatics; media text; subjective text perspective; pronoun; indefinite pronoun; indefinite reference.

Местоимения со значением неопределенноличности в речевой структуре медиатекста обладают большим прагматическим потенциалом, особенно заметным при анализе субъектной перспективы текста. Можно выделить по крайней мере три фактора, определяющих высокую степень этого потенциала.

Во-первых, специфика лексико-грамматической и функциональной природы местоименных слов как «аккумуляторов и проводников множества типовых денотативных и неденотативных (собственно грамматических) значений» [1, с. 125]) обуславливает семантическую и прагматическую подвижность местоимений в тексте, их стремление «к постоянному контекстно-семантическому эксплицированию» [2, с. 163]. Благодаря «субъективной растяжимости» содержания местоимений [3, с. 324] авторам текстов удается успешно адаптировать, «приспосабливать» слова этого класса к «диктуемому дискурсом решению коммуникативных задач» [4, с. 9]. В результате в отдельных дискурсах (например, поэтическом или массмедийном) формируются специфические, но устойчивые употребления местоимений, их частные, дискурсивно обусловленные значения.

Во-вторых, известна важнейшая роль личных (субъектных) местоимений в организации динамики текста – его «персонального ключа» (А. В. Бондарко), «авторизационного ключа» (Т. В. Шмелева), субъектной перспективы (Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова, А. В. Уржа, Л. Ю. Щипицина), субъектно-референциальной динамики (Н. К. Данилова). Неопределенно-личные местоимения, будучи одним

из подклассов субъектных местоимений, в медиатексте могут характеризовать внутритекстовых и внетекстовых субъектов в «экзистенциальном, референциальном и коммуникативном», «экспрессивно-оценочном и субъективно-количественном» аспектах [5, с. 17, 21].

В-третьих, сама категория определенности-неопределенности имеет безусловный коммуникативный характер, поскольку «привязана к коммуникативному акту, ориентирована на участников коммуникации с их пресуппозициями, интенциями, общим фондом знаний и т. д.» [6, с. 57]. Как отмечает О. В. Емельянова, «определенность / неопределенность – это не свойства предмета или предложения в его объективном существовании; они возникают лишь в плане сообщения, в плане достижения взаимопонимания, о каком именно предмете идет речь» [6, с. 58].

Анализируемое в статье местоимение *кое-кто* в системе русского языка входит в онтологический центр выражения неопределенноличности [7, с. 89]. В словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой отмечается, что русское местоимение слабой определенности *кое-кто* служит для обозначения «подразумеваемого субъекта»: «некто (некоторые), кто известен, кто имеется в виду, но не называется» [8, с. 11]. Е. М. Галкина-Федорук указывает, что местоимение *кое-кто* употребляется «в том случае, когда говорят о ком-то неизвестном, но в какой-то мере выделенном из целого круга лиц» [9, с. 23]. По определению Е. В. Падучевой, местоимения на *кое-* «соотносятся с индивидуализированным объектом, который известен говорящему, но предполагается неизвест-

ным слушающему» [10, с. 212]. Сравните также со следующей интерпретацией: употребление местоимений с *кое-* «наиболее характерно для коммуникативных ситуаций, в которых конкретный подразумеваемый предмет или признак либо не безразличен для говорящего, либо известен говорящему, но по тем или иным причинам не называется» [11, с. 126]. Как видим, в толкованиях местоимения *кое-кто* наблюдаются расхождения (речь идет о неизвестном, неназываемом, неясном референте), но есть и то, что все описания объединяет, – это опора на прагматический компонент, апелляция к коммуникативному намерению и ситуационной установке говорящего лица.

В настоящей статье в соответствии с принципами лингвистической прагматики анализируется речевая реализация в медиатексте неопределенно-личного местоимения *кое-кто* в аспекте его целенаправленного употребления автором текста и в связи с прагматически релевантными условиями и способами выражения авторской интенции. При этом мы исходим из убеждения, что если в художественном тексте выбор между определенной или неопределенной референцией всецело обусловлен «миром художественного вымысла» и идиостилем творца (см. об этом: [12, с. 239–252]), то автор медиатекста не столь свободен в своем творческом самовыражении и вынужден подчиняться логике и традициям медиадискурса, выработанным в журналистской практике речевым шаблонам. А потому с большей долей вероятности можно «предсказать, как будет строиться фраза, какие элементы будут для нее выбираться и какие изменения в ее структуре могут по ходу дела произойти» [13, с. 10]. Мы намереваемся рассмотреть, может ли местоимение *кое-кто* выступать в медиатексте как коннотативно маркированная единица и какие прагматически релевантные контекстные условия способствуют появлению коннотаций; выяснить, какие скрытые смыслы и нетривиальные интенции может кодировать журналист с помощью местоимения *кое-кто*. Материал исследования составляют русскоязычные тексты ведущих белорусских общественно-политических изданий «СБ. Беларусь сегодня» (далее – СБ), «Рэспубліка» (Рэсп.), «Народная газета» (НГ), «7 дней» (СД), «Сельская газета» (СГ) за 2002–2022 гг.

В силу ориентированности медиадискурса на информирование аудитории об актуальных событиях, происходящих в описываемой действительности, приоритет в субъектной структуре медиатекста, как правило, отдается третьему лицу – субъекту диктума (участнику событий), экспликация же автора и адресата является факультативной. Именно участник события неоднократно эксплицируется в тексте путем использования ряда кореферентных единиц, в том числе и местоимений, при этом типичными признаками такого диктумного субъекта являются индивидуализированность, идентифицированность и даже известность широкому кругу лиц (как presupпозиция), а значит и среди местоименных обозначений преобладают единицы с определенной референцией (*он, тот, тот, данный*). По нашим наблюдениям, в сравнении с другими местоименными единицами со значением неопределенного субъекта, местоимение *кое-кто* в дискурсе русскоязычных белорусских СМИ используется значитель-

но реже, что косвенно подтверждается данными Газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка, сравните: *кто-то* – 61 060 документов, 80 442 вхождения; *кто-нибудь* – 6565 документов, 6891 вхождение; *кое-кто* – 2739 документов, 2832 вхождения (по состоянию на 15.08.2023). Как видим, местоимение *кое-кто* в медиадискурсе «непопулярно». В полифонии медиатекста, создаваемой в том числе и местоименными словами (*я, мы, ты, вы, они, все, многие, каждый из нас, любой из вас* и т. д.), позиция и «голос» неопределенного «кое-кого» незначим. Объяснить это, в частности, можно тем, что местоимение *кое-кто* в своем прямом значении не соответствует логике и целям массмедийного дискурса (в нем ценится информация как условие снятия неопределенности, ценится общее и индивидуальное знание и понимание как условия эффективности журналистской деятельности), а во вторичных значениях – противоречит этике и этикету массмедиа (правда, открытость, достоверность). *Кое-кто* – это маркер когнитивного и коммуникативного диссонанса во взаимодействии автора и аудитории как субъектов дискурса, а такая стратегия в массмедийном тексте, как правило, контрпродуктивна и потому исключительна.

Журналисты прежде всего осуществляют контекстуальную категоризацию *кое-кого*, приписывая ему определенные характеристики с помощью акциональных, статальных, характеризующих, квалифицирующих предикатов. Как субъект действия *кое-кто* представляется в качестве того, кто в своих действиях руководствуется злым умыслом, имеет склонность к совершению нечестных поступков в корыстных целях: *За одну неделю именно приватизационный чек «Жилье» подорожал на 300 рублей. Кое-кто опять пытается ловить рыбку в мутной воде?* (СБ. 21.06.2005); *Даже накануне Пасхи кое-кто не считает грехом наживаться с помощью обмана* (СБ. 18.04.2009); *Тем не менее кое-кому очень хочется погреть руки на непростой ситуации в стране и в мире в целом* (СБ. 04.12.2020). Автор текста при этом выступает как тот, кто способен вскрыть истинные намерения описываемого лица и предъявить эти намерения читателям, с тем чтобы последние осуществили свой ценностный выбор. Как субъект знания и мнения *кое-кто* предстает в медиатексте в качестве лица, имеющего неполное, фрагментарное знание и частное, к тому же ошибочное мнение: *Кое-кто объяснял феномен чрезмерным трудовым усердием семьи <...> На деле все было проще: семья в учреждении не работала, это были типичные «мертвые души»* (СБ. 24.03.2007). Как субъект речи *кое-кто* обладает неубедительной аргументацией; за ним закрепляется неверная, ложная точка зрения, от которой затем отталкивается автор в своем желании узнать истину и предъявить ее читателю: *Кое-кто пытается доказывать, что они боролись за белорусскую государственность в условиях военного конфликта. <...> Уймитесь, господа, таковая гитлеровцами даже не предполагалась* (СД. 21.06.2012).

В представленных выше контекстах мы видим, что *кое-кто* – это скорее не индивидуализированный, а обобщенный субъект, подразумеваемый тип людей, который в контексте обсуждаемой темы

обладает свойством «узнаваемости» и для автора, и для его читателей и контекстуальная определенность которого как раз и устанавливается предикацией. Читатель не ожидает от автора конкретизации описываемого субъекта: важна идентификация последнего именно с точки зрения его принадлежности к группе людей с определенной социальной или политической позицией. Более того, читатель понимает, что журналист выступает тоже как представитель социальной группы (иной) и ожидает такого же самоопределения от аудитории. Автор текста представляет две позиции, две точки зрения, предлагая читателю реализовать свое право на выбор, однако сквозь призму выраженной в местоимении оценки.

Местоимение *кое-кто* служит показателем негативной оценки, связанной с противопоставленностью обозначаемого лица другим внутритекстовым и внетекстовым субъектам. *Кое-кто* в субъектной перспективе медиатекста – это не просто оппонент, это ‘не свой’, ‘тот, кто находится в чужом для автора и читателя пространстве’, ‘чужой’, ‘опасный’. В контекстуальном значении местоименного слова присутствует прагматика дистанции – в том числе требование к читателю относительно соблюдения этой дистанции: *И люди прекрасно понимают, откуда идет вся эта нелюбовь к нашей провинции. Сейчас, на фоне страстей вокруг Декрета № 3, лишнее полено в шумливый костер кое-кому не помешает, да? Вот только белорусы не такие дураки, какими их привыкли считать все эти провокаторы* (НГ. 17.03.2017).

Обратите внимание, как в следующем тексте журналист осуществляет переход от положительного к негативному модусу и реализует сопутствующую нисходящую градацию «*все – большинство из всех – далеко не все – кое-кто из всех*», постепенно вычлняя из общей совокупности людей маргинального *кое-кого*: *Казалось бы, это элементарное правило вежливости всем хорошо известно. Вот только далеко не все еще осознали, что природа – тоже наш общий дом, и зачастую кое-кто действует по принципу «все вокруг колхозное, все вокруг мое»* (СБ. 31.01.2007). На этом примере можно проследить, как журналист использует прагматическую подвижность местоимения *кое-кто* для выражения имплицитной эмоции (презрения) и имплицитной оценки (осуждения).

Здесь, конечно же, в полной мере проявляется интерпретирующая сила категории неопределенности. Как в неопределенно-личных предложениях субъект действия «не соотносится с лицом, находящимся в фокусе эмпатии» [14, с. 345], а неопределенная референция понижает коммуникативный статус актанта в ранговой иерархии актантов [7, с. 86–87], так и при обозначении субъекта действия, мнения, знания местоимением *кое-кто* автор медиатекста низводит все, что связано с этим субъектом, к самым незначимым единицам. В своей функциональной нагрузке местоимение *кое-кто* становится близким к оценочному атрибутивному местоимению *кое-какой*, характеризующему предмет как «не очень хороший, не очень важный, не очень большой без отношения качества и количества» [9, с. 29].

Как уже видно по вышепредставленным примерам, субъект, обозначаемый местоимением *кое-кто*, никогда не подается автором медиатекста в качестве самостоятельного и самодостаточного субъекта; в полисубъектной (а чаще бисубъектной) структуре высказывания он занимает добавочную позицию, а сами высказывания реализуют интенцию противопоставления. Неопределенно-личное местоимение *кое-кто* – показатель журналистики мнения, особенно востребованный в полемически заостренных медиатекстах, где становится одним из ориентиров, необходимых для развития в медиатексте коммуникативного пространства дискуссии и его регулирования.

Журналист обязательно предлагает субъектную альтернативу *кое-кому* – на разных уровнях конкретности – абстрактности и определенности – неопределенности. Удалось выявить три основных типа альтернативной субъектности. Первый тип – это конкретная альтернативность в лице самого журналиста, а также политиков, экспертов. Безусловно, конкретный субъект оказывается в фокусе эмпатии уже в силу своей определенности, однако автор дополнительно солидаризируется с конкретным субъектом с помощью различных лексико-грамматических средств и риторических приемов: *И вот уже кое-кто поспешил сделать вывод – не останутся ли сейчас те же нацпарки, усадьбы без клиента? Цены-то на отдых-2011 «кусаются». <...> А между тем, говорит эксперт, реальнее продвигать белорусский экотуризм в увязке с прибалтийским, например, где рынок с более гибким и быстрым ценообразованием* (СБ. 11.06.2011). Конкретный альтернативный субъект оказывается сильнее *кое-кого* в силу более высокой степени осведомленности и уровня понимания. Второй тип – социально-мировоззренческая альтернативность, реализуемая путем противопоставления местоимения *кое-кто* расширенному инклюзивному *мы*; здесь налицо не просто противопоставление разных субъектов, но противостояние разных социальных групп или политических сил. В соответствующих фрагментах текста получает свою реализацию агональный дискурс с иллюзией угрозы, в коммуникативной структуре текста усиливается компонент косвенной адресации. Примеры: *Тратиться кое-кому ой как не хочется <...> Но у нас не хватает терпения, сил и времени, чтобы довести правое дело до конца* (НГ. 25.06.2021); *Не надо кое-кому отрывать от земли и мазать черной краской все, что происходит в Беларуси <...> Нам есть чем гордиться, несмотря ни на что...* (СБ. 24.01.2017). *Мы сделали прекрасное вертикальное озеленение в Гомеле, но кое-кому не нравится эта красота, созданная рабочими руками* (СБ. 18.08.2020). Третий тип альтернативной по отношению к *кое-кто* субъектности – это всеохватный, генерализованный субъект, для обозначения которого журналисты используют кванторы всеобщности: *Кое-кто даже склонен утверждать, что войны – это не только бесконечные страдания, смерти, разрушения, но и двигатель научного, технического и чуть ли не нравственного прогресса <...> Теперь всем ясно, что, прикрываясь подобной демагогией, США и впредь намерены заниматься военным разбоем* (СБ. 10.04.2006); *Знаем, сегодня кое-кто пытается сделать шаги*

по ослаблению нашей безопасности. В этих условиях долгом **каждого сознательного** гражданина является тесное сплочение в деле защиты национальных интересов (Рэсп. 19.06.2007). **Любой нормальный человек** понимает, что нельзя политические взгляды ставить выше своих профессиональных обязанностей. Но **кое-кому** очень нейдет перевернуть эту пирамиду (СБ. 27.10.2020). Фактически журналист апеллирует к здравому смыслу, а для оценки кое-кого избираются эпистемические основания.

Таким образом, неопределенное местоимение *кое-кто* в субъектной структуре медиатекста занимает особую нишу обозначения так называемого альтернативного, фонового и при этом «слабого»

субъекта, на основе противопоставления которому усиливаются позиции «главных субъектов», находящихся в фокусе эмпатии автора, с тем чтобы именно к мнению последних захотела присоединиться читательская аудитория. Для местоимения *кое-кто* в медиатексте характерно отрицательно маркированное употребление. В «интенциональном мире» тенденциозной публицистики местоимение *кое-кто* стремится от неоднозначной референции к намеку на подразумевание (знаем, но по тем или иным причинам пока не называем), в условиях политического медиадискурса способно выступать словом-характеризатором, приобретает свойства идеологического ярлыка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федюнева, Г. В. Местоимения в контексте когнитивной лингвистики / Г. В. Федюнева // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 124–128.
2. Старычонок, В. Д. «Ёсць ты і я, а паміж намі – лёс, і ў лёсу пераменлівыя твары»: другасныя займеннікавыя намінацыі ў структуры мастацкіх тэкстаў / В. Д. Старычонок // Польшча. – 2014. – № 4. – С. 163–174.
3. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: ЯЛ, 1947. – 784 с.
4. Всеволодова, М. В. Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике / М. В. Всеволодова // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2010. – № 6. – С. 7–35.
5. Ващенко, Д. Ю. Система неопределенных местоимений в словацком языке / Д. Ю. Ващенко. – М., 2016. – 223 с.
6. Актуализация предложения: В 2 т. Том 1: Категории и механизмы / отв. ред. А. В. Зеленщиков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 236 с.
7. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 2002. – Том I: Слова указующие (местоимения). Слова именуемые: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). – 807 с.
9. Галкина-Федорук, Е. М. Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями / Е. М. Галкина-Федорук. – М.: Издательство Московского университета, 1963. – 45 с.
10. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Отв. ред. В. А. Успенский. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 296 с.
11. Синько, Л. А. Референтные и дискурсивные свойства неопределенных местоимений / Л. А. Синько // Вестник Адыгейского гос. университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 124–128.
12. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
13. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. – 228 с.
14. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 1997. – 576 с.

REFERENCES

1. Fedyuneva, G. V. Mestoimeniya v kontekste kognitivnoj lingvistiki / G. V. Fedyuneva // Sibirskij filologičeskij žurnal. – 2009. – № 3. – S. 124–128.
2. Starychonak, V. D. «Yosc' ty i ya, a pamizh nami – lyos, i ū lyosu peramenlivyya tvary»: drugasnyya zajmennikavyya naminacyi ū struktury mastackih tekstaŭ / V. D. Starychonak // Polymya. – 2014. – № 4. – S. 163–174.
3. Vinogradov, V. V. Russkij yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove / V. V. Vinogradov. – M.: JL., 1947. – 784 s.
4. Vsevolodova, M. V. Yazyk i ego mesto v mirozdanii. K voprosu ob aktual'noj grammatike / M. V. Vsevolodova // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Ser. 9. Filologiya. – 2010. – № 6. – S. 7–35.
5. Vashchenko, D. Yu. Sistema neopredelennyh mestoimenij v slovackom yazyke / D. Yu. Vashchenko. – M., 2016. – 223 s.
6. Aktualizaciya predlozheniya: V 2 t. Tom 1: Kategorii i mekhanizmy / отв. ред. А. В. Зеленщиков. – СПб.: Изд-во S.-Peterburg. un-ta, 1997. – 236 s.
7. Gak, V. G. Yazykovye preobrazovaniya / V. G. Gak. – M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1998. – 768 s.
8. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovij slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij / РАН. In-t rus. yaz.; pod obščej red. N. Yu. Shvedovoj. – M., 2002. – Tom I: Slova ukazuyushchie (mestoimeniya). Slova imenuyushchie: Imena sushchestvitel'nye (Vsyo zhivoe. Zemlya. Kosmos). – 807 s.
9. Galkina-Fedoruk, E. M. Vyrazhenie neopredelennosti v russkom yazyke neopredelennymi mestoimeniyami i narechiyami / E. M. Galkina-Fedoruk. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963. – 45 s.
10. Paducheva, E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu: Referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij / Отв. ред. В. А. Успенский. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 296 s.
11. Sin'ko, L. A. Referentnye i diskursivnye svojstva neopredelennyh mestoimenij / L. A. Sin'ko // Vestnik Aдыgejskogo gos. universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2011. – № 2. – S. 124–128.
12. Shmelev, A. D. Russkij yazyk i vneyazykovaya dejstvitel'nost' / A. D. Shmelev. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – 496 s.
13. Norman, B. Yu. Grammatika govoryashchego / B. Yu. Norman. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1994. – 228 s.
14. Bulygina, T. V. Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki) / T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1997. – 576 s.